

БЫТОВАЯ СТОРОНА ЖИЗНИ УРАЛЬСКОЙ КАЗАЧКИ (НРАВСТВЕННЫЙ УКЛАД, СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ТРАДИЦИИ, УКЛАД ЖИЗНИ И ДРУГИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ)

В статье рассматриваются различные стороны семейной жизни женщины-казачки. Автор отмечает многочисленные традиции свадебных обрядов, связанные с выбором невесты, жениха; указывает на статус женщины-казачки после брака. Автор затрагивает проблемы взаимоотношений супругов, а также показывает отношение казаков к проведению различных праздников.

Ключевые слова и фразы: казачка, семья, свадьба, традиции, невеста, жених, праздник.

Основой любого казачьего общества является семья. Семья и община служили организующим началом в духовной жизни казачества. Семья не только выполняла собственно семейные функции (брак, воспитание детей, родственная общность, единство бюджета и пр.), но и являлась первичным производственным коллективом. В общине объединялись функции производственного коллектива нескольких семей. Территориальная казачья община выступала непосредственно как институт. Она принимала решения по выполнению совместных дел. Эти решения опирались на коллективные эмпирические знания и участвовали в формировании соответствующего слоя казачьей культуры. Но фактически в общественных решениях проявлялась роль семьи как носительницы определенного уровня производственных знаний, религиозности, художественных навыков и интересов, представлений о необходимости грамоты.

Роль общины и семьи как институтов в организации и развитии традиционной духовной культуры казачества тесно связана с их ролью в воспроизводстве традиций вообще. В культуре казачества особое внимание уделялось семейным узам и почитательности к родителям и старшим родственникам. Семейный союз в казачьем населении пользовался большим уважением. Семья для каждого казака – самое главное в жизни. В старину жизнь казачьих семей отличалась от жизни остальных российских семей, в том числе и потому, что казаки – это военные люди. В казачьей семье все мужчины служили: и дед, и отец, и братья, и сыновья. А бабушки, матери, сестры и дочери были трудолюбивыми, заботливыми и ревностными хозяйками. Казачья православная семья в старые вре-

мена – это домашняя церковь. В ней начиналось воспитание будущего поколения. Что будет заложено в сердца детей сизмальства, то они и пронесут через всю свою жизнь. А жизнь в этих семьях зиждилась на вере в Бога, любви к Отечеству, почитании старших, на тяжелом физическом труде, на сохранении вековых традиций [5, с. 97-98].

Рождение девочки не праздновалось так широко, как рождение мальчика, при известии об ее рождении не грохотали выстрелы. Однако появление на свет девочки тоже было радостью – тихой, домашней, оваянной легендами и молитвами. Девочка приносила в дом постоянное душевное тепло, доброту и ласку. Поэтому от самого рождения ее воспитывали иначе, чем мальчика, старались развить в ней женственность, трудолюбие, терпение и отзывчивость. И тоже волновались и молились о ее счастье. Если мальчика постоянно настраивали на то, что он должен быть первым, быть на людях, постоянно соревноваться, то девочке внушалось, что самое главное – спокойная душа и чистое сердце, а счастье – крепкая семья и чистое сердце и честно заработанный достаток, хотя жизнь казачки была полна великих тревог, а трудов и страданий в ней было не меньше, а то и больше, чем в жизни казака. Начиная от самого первого, все «женские» обычаи были шутивными, не жестокими, а веселыми. Так, «смывали с дочушки заботы» – тетки, мамки, няньки, крестная – первый раз с песнями и добрыми пожеланиями мыли девочку. В это время отец – единственный мужчина, допускаявшийся на этот праздник (ребенка до трех месяцев вообще никому не показывали, боялись сглаза, и даже крестить в церковь носили с закрытым кружевами лицом), ел «отцовскую кашу», специально приготовленную – горелую, насоленную, наперченную, политую

горчицей, чтобы она была совершенно несъедобной. Он должен был съесть ее, не поморщившись, «чтобы девочке меньше горького в жизни досталось». Все девичьи праздники отмечались в узком детском кругу на женской половине дома, куда приглашались только родственники. Праздники всегда сопровождалась подарками, угощением, песнями, танцами. Праздновали «первый шаг», дарили ленточки «на бантик», гребешок на косу, платочек – в церковь ходить. Подарки буквально сыпались на девочку, однако это не означало, что ей все позволено и жизнь была у нее сплошным праздником. Девочки начинали работать с очень раннего возраста: стирали, мыли полы, ставили заплатки, пришивали пуговицы. С пяти лет учились вышивать, шить, вязать на спицах и крючком – это умела каждая казачка. Делалось это в игре: обшивали кукол, а учились на всю жизнь. Была и особенная работа – нянчить младших! Трехлетнего брата могла нянчить пятилетняя сестра, а трехлетняя – годовалого. Пятилеток-то уже в няньки в люди отдавали. Трудовая жизнь начиналась очень рано. Пятилетний казачонок уезжал с отцом на охоту, на покос, на рыбную ловлю – там помогал уже всерьез. А вот отнести мужчинам еду в поле, постирать, заштопать обтрепанную в работе одежду – девичья забота. К братьям девочки относились с огромным уважением. И не зря: случалось, что пятилетние братья уходили с отцами в военные походы. И возвращались домой через десяток лет закаленными бойцами. Труд не исключал радости и веселья: девочки и пели, и плясали, а обучали их старшие женщины. Взрослые любили и жалели всех детей. Старики оберегали маленьких внучат, стерегли их как гусят, одних не отпускали выбегать за двор. Маленьких отпускали только со старшими сестрами и братьями, если те шли купаться в речке, за сорочинными яйцами в лес или еще куда-нибудь. Но росла девочка с главной мыслью, что она будущая хозяйка и мать, – этому было подчинено все ее воспитание. Когда девочка становилась девушкой, то об этом, как правило, по секрету сообщала бабушка деду – самому старшему в семье. Дед покупал серебряное колечко и дарил его внучке. А то и праправнучке, сопровождая свой подарок песенкой про колечко и наставлениями, что внучка теперь «не дите», а «барышня» и вести себя должна иначе: «на нее женихи смотрят». Колечко на правой руке означало, что перед нами «хваленка» – пускай еще «не на выданье», но о ней уже

можно думать как о невесте. С момента получения серебряного колечка девушка начинала готовить себе приданое. Девичья жизнь заканчивалась сватовством [1, с.46].

До тридцатых годов XIX века грамотность на Урале, то есть у уральских казаков, ограничивалась одной церковной печатью, часовниками да псалтирями; дальше этого не шла. В Уральском войске считалась плохой невеста, которая не знала псалтыря и часослова и не умела читать «по-церковнославянски» [2, Ф.9.Оп.1.Д.17.Л.8]. У казаков существовал только моногамный брак. До начала XVIII века были простые, но строго соблюдаемые брачные обряды, позже церковный обряд бракосочетания [11, с.229]. По понятию уральцев, а особенно уралок, тот казак, который не женился до 25-ти, а особенно до 30-ти лет, – отпетый казак, такому казачку не было и нет прозвища, кроме как забулдыга, шараматок, околотень, старое базло [3, с.44-45]. У оренбургских казаков сватать ходили обычно как мужчины, так и женщины, в конце XIX века чаще всего – сами родители жениха. Часто они выбирали себе «колонновожатого» – крестного отца невесты или кого-либо из ее родственников, которого называли «сватовщиком». Конечно, сваты должны были сами быть счастливы в браке, являться опытными и ловкими в «деле сватовства» людьми, хорошо знающими все общепринятые правила этикета и различные приметы [8, с.106]. П. С. Палламс, описывая обряд бракосочетания, говорил, что в девичник жених должен был принести невесте в подарок платье и весь женский убор; а невеста шапку, сапоги, рубаху и штаны. После венчания невеста ехала от церкви на телеге, а позади нее сидели мать и сваха, которая на всех пальцах должна была иметь кольца, и обе со стороны прикрывали невесту полотенцем, чтобы зрители лица не увидели. Перед телегой шли жених с отцом и дружкой; позади телеги многие ехали на лошадях верхом, и один из них держал полосатую плахту, какую черкасские жены обыкновенно носили вместо юбки, на длинном шесте, так как знамя. Приятели препровождали день бракосочетания в питье, пляске и пении, и при том еще по большей части на улице. Очень часто плясали по-татарски, в пляске молодые люди делали переменные движения с удивительным проворством и крепостью членов [7, с. 36]. Также Паллас упоминал такой обычай: если кто не захочет больше

держат своей жены, то мог вывести ее на площадь и продать [7, с. 35].

Выдающийся знаток русской жизни, автор многочисленных трудов о светлом и гармоничном мире народной культуры XIX века А. В. Терещенко описывая обряд брака между уральскими казаками, находил очень много схожих элементов. Просватанная девушка освобождалась от всех домашних работ: «девуэт девка, куда денутся». Подружки невесты в это время жили у нее в доме, помогали шить приданое, скоблить полы, лавки и мыть стены. Вечером после работы у створенки молодежь собиралась на вечерки, угощали всех родители невесты [10, с. 107-108]. Вечерние сходбища продолжались иногда до полугода. На эти вечера жених приходил к невесте со своей водкой и закусками, которыми и угощал гостей невесты. Жених обходился с невестой как муж с женой. Нарушение приличий строго преследовалось; свободное же обращение, проистекающее от взаимной доверчивости, отнюдь не делало бесчестным имя девушки. Накануне бракосочетания существовал девичник. В девичник сходились к невесте ее подруги и пели ей прощальные песни. Сюда допускался и жених, который должен был принести невесте в подарок цветное платье, башмаки, головной убор, игольник с нитками, наперсток и ключи. Последним он давал ей знать, что она вступает в права домохозяйки. Невеста дарила ему шапку, сапоги, шейный платок, рубашку и шаровары. В назначенный день поезда к венцу невесту провожали ее подруги, а жениха – его хорошие приятели и знакомые. Невеста отправлялась в церковь в сопровождении старшей дружки и свах, а жених – в сопровождении своего дружки и подружьев, и он ехал отдельно от нее. После венчания невеста ехала в повозке с близкими своими приятельницами; позади нее сидели мать и сваха, последняя должна была иметь кольца на всех пальцах. Во время поезда мать и сваха закрывали молодую полотенцем, чтобы нечистый глаз не испортил ее. За повозкой ехал жених, после него тянулись в несколько рядов вершники, и один из них держал на длинном шесте, вместо знамени полосатую плахту (юбку) [10, с. 330].

Весенние свадьбы были гораздо скромнее осенних и зимних свадеб. Осенняя и зимняя свадьбы продолжались от двух до четырех недель, тогда как весенняя – всего одну, много две недели [6, с. 35]. По прибытии новобрачных домой их сажали вместе за стол. Нигде так много

не выпивалось водки как на свадьбе казаков: на бедной уничтожалось от 10 до 15 ведер, а на богатой – от 20 до 40 [8, с. 242]. Свадьбу проводили в пляске, питье и пении не только дома, но и на улице. С пирующими разделяли веселье и не приглашенные, и гуляют до полночи. Сваха и посаженная мать отводили молодую в брачную избу, девушки раздевали, а молодой приходил позже, с одним дружкой [10, с. 331]. На следующий день собирались все гости, как с той, так и с другой стороны. Во время этого стола молодая жена одаривала родных своего мужа сорочками, платками, полотенцами и т. п.; после чего дружка разносил гостям на подносе водку, пряники и конфеты, предлагая «сыры закусить и на сыры положить». Молодые в это время кланялись в ноги. Тот из родственников, к которому обращался дружка, выпивал рюмку водки, брал с подноса пряник или конфетку и клал на «сыры», т. е. обещал лошадь, козу, корову, барана или денег сколько мог, смотря по состоянию и близости родства. На третий день теща устраивала блины. Зять по приходу в дом тестя дарил теще башмаки, затем садился за стол. А теща в свою очередь брала ложку масла и, выливая его на голову зятя, приговаривает: «Будь зять также сладок и мягок для своей жены, как сладко и мягко это масло». После этого брала тарелку с блинами, ставила их на стол и покрывала их другой тарелкой. Зять брал блины, переворачивал тарелку, а затем верхнюю из них бросал в потолок. И она вдребезги разбивалась. Этим давалось знать, что обряд исполнен и стол открыт. Во время происходящей церемонии все стояли на ногах тихо и смиренно. А когда разбивалась тарелка, поднимался шум и гам, билась посуда и все, что попадалось под руку. После угощения начиналось общее веселье, причем происходили безобразные сцены: мужчины впрягали лошадей и волов во что попало, к хвостам животных привязывали шкуры и все, что попадалось под руку, сами одевались во всевозможные костюмы и в таком виде разъезжали по улицам. Тут можно было встретить и «Полкана-богатыря» с метлой в руках, «Еруслана Лазаревича», идущего на Змея Горыныча, одетом в рогожу, долженствующем изображать его чешуйчатую кожу или древнего рыцаря на коне, одетого вместо шлема в высокую баранью шапку, вместо щита в левой руке плетеная корзина, а вместо меча осколок доски [8, с. 243–244].

Несмотря на старинное казачье присловье «женщину и коня всегда держат в поводу» и то, что никогда девушка не показывалась на улице одна (всегда в сопровождении матери, тетки, брата или крестной) казачки по сравнению с женщинами других народов пользовались большей свободой. Об этом почти неизвестно, или реальность сознательно искажалась нелепейшими рассказами, до сих пор бытующими в литературе. Казачек изображали либо бессловесными и покорными подобно женщинам мусульманского Востока, либо чересчур вольными в поведении. На самом деле казачки Великой степи наследовали традиции народов, живших там прежде, а у степных народов женщина всегда обладала значительной свободой, без которой в степи не прожить [1, с. 47].

У казаков большая часть юридических прав принадлежала женщине, а не мужчине. Если казак женился на женщине с детьми, то и она и ее дети, прижитые до него, считались казаками и имели все права. А также при отсутствии мужа родившиеся и у вдов и девушек дети считались казаками. Казачка наследовала имущество, она полностью верховодила в доме, где казак, приехавший со службы, бывал гостем и ни в какие хозяйственные подробности не входил, считая это ниже своего мужского и воинского достоинства. Считалось, что дети принадлежат отцу, хотя полной властью даже над взрослыми сыновьями обладала мать. Называли ее САМА. Она была полной хозяйкой над детьми, была для них главным духовным наставником, педагогом и воспитателем. Женщина-мать, женщина вдова получала от станичного общества материальную поддержку и была социально защищена еще в те далекие годы, когда ни в одной развитой европейской стране об этом и не помышляли [4, с. 136–137].

Служба и веками сложившийся казачий быт держались на станичных порядках, находившихся под мужским контролем. Но в отдельной ка-

зачьей семье женщины выступали на первый план, во всяком случае, при решении семейных дел они всегда имели равные права с мужчинами. Очень часто казаки надолго покидали свои курени, и весь груз хозяйственных хлопот и забот о детях ложился на плечи их жен. Иными словами, казачки обеспечивали мужьям крепкий тыл. В казачке с детства воспитывали сознание того, что она будет главой дома, и на ней будет держаться не только хозяйство, но и станичная мораль и обычаи. Потому и звалась она гордой казачкой, что велик был груз ответственности за все казачество, лежавший на ее плечах и носимый ею с достоинством [9, с. 122].

Традиции народа – это живая историческая память, воплощение всего пройденного нацией пути, запечатленный опыт поколений. Это то, что в конечном счете хранит человека от обезличивания, позволяет ему ощутить живую связь времен и поколений, а в трудную минуту получить поддержку и жизненную опору. В сознании казачества господствовали традиционные мировоззренческие принципы (свободолюбие, верность воинскому долгу, присяге, исполнительность, коллективизм, взаимовыручка). Этническая культура казачества вобрала в себя его отличительные особенности этносоциального явления, своеобразие духовного, военного, хозяйственно-бытового укладов жизни, различные этнокультурные компоненты (славяно-русские, тюрко-татарские, собственно казачьи). Она выражалась в исторической памяти, традиционной системе ценностей, своеобразной системе ценностей, своеобразной духовной (устное народное творчество, особенно песенный фольклор, танцы, система воспитания, семейно-бытовые обычаи, календарные праздники и обряды), поведенческой (соционормативной), материальной (жилища, одежда, предметы домашнего обихода) культуре, а также в детской субкультуре [11, с. 228].

1.12.2011

Список литературы:

1. Абрамовский А., Кобзов В., Кузнецов В. – Сквозь призму веков: Из прошлого оренбургского казачества / А. Абрамовский, В. Кобзов, В. Кузнецов. – Челябинск: Челябин. гос. ун-т, 2002. – 203с.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.9. Оп.1. Д.17. Л.8.
3. Дубовиков А. М. Повседневная культура уральского казачества (XVI-XIX вв.) / А. М. Дубовиков // Вестник ОГУ. – 2008. – №10(92). – С. 44–49.
4. Капустина В. Героини погибшего мира. / В. Капустина // Гостинный Двор. – 2008. – №22. – С. 132–140.
5. Коренюгина И. Казачьему роду нет переводу. / И. Коренюгина // Музей. – 2008. – №8. – С. 97–100.
6. Кузнецов А. П. Этнографические очерки: Научное литературное и публицистическое наследие. По материалам архивов и периодических изданий. (XIX-XX вв.). – Калуга: Золотая аллея, 2007. – 352с., илл.

7. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. / Избранные главы /. – Уральск, 2006. – 272с.
8. Стариков Ф. М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. С приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты./Ф. М. Стариков. – Оренбург: Типография Б.Бреслина,1891. – 250с.
9. Ступак И. Не боли болячка – я казачка! / И. Ступак // Родина. – 2004. – №5. – С.122-124.
10. Терешенко А. В. История культуры русского народа /А. В. Терешенко. – М.: Эксмо, 2007. – 730с.: илл.
11. Трут В. П. Военная энциклопедия казачества /В. Трут, Г. Курков. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 704с.

Сведения об авторе: **Егорова Юлия Владимировна**, аспирант кафедры истории России
Оренбургского государственного университета
460018, Оренбург, пр-т Победы, 13, e-mail: julietta1801@yandex.ru

UDC 392-055.2 (470.5)

Egorova J.V.

Orenburg state university, e-mail: julietta1801@yandex.ru

HOUSEHOLD ASPECT OF LIFE OF THE URAL WOMAN-KAZACHKI (MORAL WAY, FAMILY RELATIONS, TRADITIONS, WAY OF LIFE AND OTHER COMPONENTS)

In article the various parties of home life of the woman-kazachki are considered. The author marks the numerous traditions of wedding ceremonies connected with a choice of the bride, the groom; specifies in the status of the woman-kazachki after marriage. The author mentions problems of mutual relations of spouses, and also shows the attitude of Cossacks to carrying out of various holidays.

Key words and phrases: Cossack, a family, wedding, traditions, the bride, the groom, a holiday.

Bibliography:

1. Abramovsky A., Kobzov B., Kuznetsov B. – Through a prism of centuries: From last Orenburg Cossacks / A.Abramovsky, V.Kobzov, V.Kuznetsov. – Foreheads-to: Cheljab.gos.un., 2002. – 203 p.
2. State Archive of the Orenburg region (SAOR).F.9.Op.1.D.17.L.8.
3. Dubovikov A.M. Daily culture of the Ural Cossacks (XVI-XIX centuries) /A. M. Dubovikov // Journal of OSU. – 2008. – №10 (92). – P.44-49.
4. Kapustina V. Heroines of the lost world. / V.Kapustina // Gostini Dvor. – 2008. – №22. – P.132-140.
5. Korenjugina I. To the Cossack sort isn't present to transfer. / I.Korenjugina // Museum. – 2008. – №8. – P.97-100.
6. Kuznetsov A.P. Ethnographic Essays: the Scientific literary and publicistic heritage. On materials of archives and periodicals. (XIX-XX centuries). – Kaluga: Gold avenue, 2007. – 352 p., ill.
7. Pallas P.S. Journey in various provinces of the Russian Empire. / Featured chapters/. – Uralsk, 2006.-272p.
8. Starikov F.M. Historical and Statistical Sketch of Orenburg Cossack army. With an article about a homelife of the Orenburg Cossacks, with banners and graphics cards / F.M.Starikov. – Orenburg: B.Breslina's Printing house, 1891. – 250 p.
9. Stupak I. No pain sore – I Cossak! / I. Stupak // Native land. – 2004. – №5. – P.122-124.
10. Tereshchenko A.V. Cultural History of Russian people / A.V.Tereshchenko. – Moscow: PenguinBooks, 2007. – 730 p.: ill.
11. Trut V.P. Military Encyclopedia of the Cossacks / V.P.Trut, G.Kurkov. – Moscow: Yauza: Penguinbooks, 2009. – 704 p.